

М.Б. Козырев

**Этнополитические проблемы Австро-Венгрии
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Вторая половина XIX в. ознаменовалась примечательным явлением. За считанные десятилетия на карте Европы появился без малого десяток государств – от Германии до Болгарии – родившихся под лозунгом необходимости обретения этническими общностями собственной национальной государственности. Причин, как субъективных, так и объективных, этой вспышки национального (в смысле – отталкивающегося от чувства этнической идентичности) государственного строительства при желании можно найти немало. В каждом случае создания («возрождения») национального государства наличествовало уникальное сочетание социальных, экономических, культурных, внешнеполитических и военных факторов. В то же время можно отметить и общие тенденции. Энтони Д. Смит пишет, что национализм, обретший массовость в XIX в. и продолживший победное шествие в XX в., является следствием кризиса сознания и власти, который человечество пережило в Новое время. Религиозные убеждения потеряли свое значение, сословно узаконенные иерархии и формы господства рухнули во время Французской революции. Из этого кризиса выросли новые секулярные идеологии, которые концентрировались на национальной общности и подчеркивали совместное происхождение национальной общности – фактическое или ошибочно предполагаемое¹. И если в странах Западной Европы «первого временного пояса» – Англии и Франции – этот период приходится на время, когда государственные скрепы, объединяющие территории этих государств практически в современных их границах, уже сложились, то в Восточной, Южной и Центральной Европе стремительный рост этнического самосознания застал мало готовые к этому архаичные имперские и позднефеодальные государственные структуры. В Германии и Италии рост этнического самосознания стал одним из наиболее действенных механизмов создания централизованного государства. На территории Османской и Австрийской империй пробуждение этносов привело к распаду и постепенному отступлению из Европы первой, к попытке реформирования второй.

Опыт империи Габсбургов особенно примечателен. Требования эмансипации этнических общностей привели к гигантским сдвигам в системе ее государственного устройства. Еще больший интерес представляют многочисленные проекты переустройства многонациональной империи. Именно здесь были впервые системно сформулированы предложения по разрешению «национального вопроса» через создание внетерриториальных культурно-национальных автономий. Развернутое обоснование получили также проекты создания на территории «дунайской монархии» федерации, составные части которой были бы образованы по принципу этнической однородности населения. Описать контуры практической политики, а также обрисовать основные направления теоретических дискуссий в Австро-Венгрии по национальному вопросу автор и предполагает. Исследование опирается на ряд монографий, посвященных развитию общественно-политической мысли в Австро-Венгрии второй половины XIX – начала XX в. и отдельных ее регионов, на работы, описывающие трансформацию политической системы и государственного устройства двуединой монархии в последние десятилетия ее существования, а также на ряд трудов теоретиков и практикующих политиков Австро-Венгрииⁱⁱ.

Практический опыт Австро-Венгрии в сфере национальной политики

«Пробуждение» наций в Австрийской империи возглавили венгры. И хотя попытка Венгрии обрести самостоятельность и выйти из состава Австрийской империи в 1848 г. не удалась (не в последнюю очередь благодаря интервенции российских войск), уже в 1867 г. Австрийская империя преобразовывается в Австро-Венгрию – двуединое государство, возникшее как результат компромисса между венгерской аристократией и династией Габсбургов. Непосредственной предпосылкой реорганизации государственного устройства империи стало поражение Австрии в войне 1866 г. с Пруссией и как следствие – резкое ухудшение финансового состояния империи. В 1867 г. император Франц Иосиф I восстановил конституцию Венгрии, действовавшую до революции 1848 г., было сформировано первое правительство Венгрии, ответственное перед сеймом (венгерский парламент).

Монархия Габсбургов была разделена на Австрийскую империю, или Цислейтанию (от названия р. Лейта, разделившей двуединое государство), в которую вошли Австрия, Богемия, Моравия, Силезия, Истрия, Далмация, Буковина, Крайна, Галиция и ряд других областей, и Королевство венгров, или Транслейтанию (ее крупнейшие составные части – Венгрия, Словакия, Хорватия, Трансильвания). Венгрия и Австрия признавались суверенными частями государства, при этом австрийский император был одновременно и королем Венгрии. В Австрии его власть ограничивал рейхсрат, в Венгрии – сейм. Единые премьер-министр, правительство и гражданство отсутствовали. Тем не менее были созданы три общих министерства – иностранных дел, военное и морское, а также финансов. Расходная часть единого бюджета устанавливалась путем соглашения между рейхсратом и венгерским парламентом. Общее законодательство осуществлялось через ежегодно собираемые делегации (по 60 представителей от рейхсрата и сейма). Пакет из шести конституционных законов, описывающих государственное устройство Австро-Венгрии, был одобрен сеймом и рейхсратом. После одобрения императором 21 декабря 1867 г. пакет законов вступил в силу и получил название «декабрьской конституции»ⁱⁱⁱ.

На основании ст. 19 австрийского государственного закона об общих правах граждан от 21 декабря 1867 г. считалось, что «все народности государства равноправны и каждая народность имеет право охранять и развивать свою национальность и свой язык». Управление внутри австрийской части двуединой империи строилось на основании Закона о политическом управлении на местах от 19 мая 1868 г. Им было провозглашено создание автономий, объединявших в своем составе «народные племена» (Volkskämme). На практике автономные единицы были нарезаны по историческому принципу. Это были три «королевства» (Богемия, Галиция, Далмация), два «эрцгерцогства» (Нижняя и Верхняя Австрия), шесть «герцогств» (Зальцбург, Штирия, Каринтия, Крайна, Силезия, Буковина), два «маркграфства» (Истрия и Моравия), два «графства» (Герц и Градиска, Тироль), область Форарльберг – Брегенц и город Триест с областью. Население каждой из этих земель было многонациональным.

Во главе области стоял областной начальник, назначаемый и ответственный перед императором. Ему принадлежала на местах власть по вопросам центральных министерств: внутренних дел, исповедания, просвещения, обороны, земледелия, финансов, торговли. Областным начальникам были подчинены полиция, областные и уездные присутствия, управы городов. Они осуществляли цензуру, наблюдали за союзами, собраниями, подготавливали списки избирателей, объявляли о выборах, назначали всех административных чиновников^{iv}. Автономии также обладали собственными представительными органами, избиравшимися по куриальной системе. Согласно ст. 12 закона об имперском представительстве 1867 г., все предметы, не входящие в компетенцию рейхсрата, «входят в компетенцию ландтагов королевств и земель», представленных в рейхсрате. Ландтаги обсуждали вопросы просвещения, сельского хозяйства, церковные дела. В их обязанности входило также регулирование налогового обложения, но они могли вводить лишь дополнительные сборы в качестве надбавок к государственным налогам. Постановления ландтагов считались действительными лишь в том случае, если их контрассигнует соответствующий австрийский министр и санкционирует губернатор.

В целом же коронные земли рассматривались не как самостоятельные государственные образования, а как неотъемлемые части единого (унитарного) австрийского государства. Император мог распустить ландтаги или отказать в санкции их постановлений. Император назначал председателей ландтагов и утверждал регламент. Ландтаги не имели права входить в непосредственные сношения друг с другом, чем закреплялся, например, разрыв между национальностями, находившимися в разных областях.

В австрийской части империи допускалось использование в ландтагах и органах государственного управления «коренных земель» не немецкого, а иных языков: в Галиции – польского и украинского, в Богемии – чешского, словенского – в Словении, румынского – на Буковине^v.

В Венгерском королевстве немадьяры получили гораздо меньше возможностей для реализации своих этнических прав. Автономию получили лишь хорваты – было создано Хорватско-Славонско-Далматинское автономное государство (Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinska Autonomna

Rada). Во главе его находился генерал-губернатор (*бан*), утверждавший королем (императором) и венгерским правительством. У Хорватии был свой законодательный орган (*сабор*). Однако все предложения и проекты, относящиеся к местному управлению, бан должен был предоставлять на «высочайшее утверждение» через министра по делам Хорватии в Будапеште. Этот же министр скреплял все решения короля Венгрии по делам Хорватии и направлял их на исполнение бану. Хорватия также посылала 40 депутатов в Будапештский (венгерский) парламент и 3 депутатов в Верхнюю Палату, но эти депутаты имели право принимать участие лишь в обсуждении вопросов, касающихся исключительно хорвато-венгерских отношений^{vi}.

Во всех иных, помимо Хорватии, немадьярских областях Венгерского королевства проводилась политика мадьяризации. Закон от 7 декабря 1868 г. «О равноправии национальностей» провозгласил единство венгерской (мадьярской) нации, к ней были причислены все немадьяры, мадьярский язык был обязательным в начальных школах, а по закону 1883 г. на территории Венгрии, за исключением Хорватии, разрешались только венгерские средние школы^{vii}.

Австро-марксизм и внетерриториальный подход к разрешению этнополитических проблем Австро-Венгрии

Несмотря на всю ограниченность действий имперской власти по признанию прав народов, населявших Австро-Венгрию (дуализм как принцип новой австро-венгерской государственности означал по сути признание равенства с немцами лишь венгров), изменения в системе государственного и политического устройства империи сопровождались бурными общественными дебатами по национальному вопросу, в ходе которых были впервые сформулированы принципы ряда концепций, не утративших свою актуальность вплоть до сегодняшнего дня. В частности, в трудах австрийских социал-демократов К. Реннера и О. Бауэра впервые были детально проработаны принципы национально-культурной автономии. В основе концепции лежит мысль о том, что источником и носителем национальных прав должны служить не территории, борьба за которые лежит в основе большинства межнациональных распрей, а национальные союзы, конструируемые на основе

добровольного личного волеизъявления. В конституировании национальной общности по персональному принципу и в предоставлении ей, а не территории публично-правового статуса К. Реннер и О. Бауэр усматривали оптимальный способ разрешения национальных противоречий, и прежде всего обеспечения прав национальных меньшинств. Оформившись во внутритерриториальные союзы, национальные общности должны представлять и защищать перед государством свои национально-культурные, языковые и религиозные интересы.

Разработанная австромарксистами программа предусматривала двойную организацию многонационального государства: одну для целей национальной культуры на основе персонального принципа и другую – основанную на территориальном принципе – для ведения остальных дел, не имевших национального характера. Персональную принадлежность граждан к тому или иному национальному коллективу должен был определять институт так называемого кадастра, составленного на основе личных заявлений совершеннолетних граждан. О. Бауэр считал возможным, что каждая нация в общине, округе, области, наконец, государстве конституируется как публично-правовая корпорация, задача которой – заботиться об удовлетворении ее культурных потребностей, строить для нее школы, библиотеки, театры, музеи, народные университеты, подавать юридическую помощь соплеменникам^{viii}.

Наряду с этим идеологи национально-культурной автономии настаивали на включении национальных союзов в механизм местного самоуправления. В соответствии с их концепцией основной территориальной самоуправляющейся единицей являлся округ, разделенный на участки и общины с учетом национального состава населения. В этнически однородных округах функции общегражданского местного самоуправления и национально-персонального управления совмещены и осуществляются одними и теми же органами. В этнически неоднородных округах управленческие функции разделены. Здесь решение национально-культурных вопросов осуществляется соответствующими национальными представительствами. Все местные органы национального представительства конкретной национальности в совокупности представляют так называемую правовую нацию. Подобные струк-

туры, по мысли теоретиков культурно-национальной автономии, должны были существовать наряду с общегосударственной системой местного самоуправления.

Идеи культурно-национальной автономии в Австро-Венгрии получили развитие, хоть и в ограниченных масштабах. В начале XX в. ландтаги в Моравии и Буковине частично начали избираться по национальным куриям. В частности, в Моравии законом от 27 ноября 1905 г. вводились две курии – немецкая и чешская, а также третья курия из землевладельцев. Чехи в тогдашнем населении Моравии составляли 70,3%, немцы – 29,4%. Ландтаг Моравии состоял из 151 депутата. По должности в его состав входили 2 представителя духовенства. Из 149 избираемых депутатов 30 были представителями крупных землевладельцев, 46 представляли города и индустриальные центры (40 – поровну между чехами и немцами и по 3 между торгово-промышленными палатами Ольмюнца и Брюнна – Оломуца и Брно), 50 – общины маркграфства Моравия, и еще 20 человек должны были представлять народ области в целом. При голосовании за депутатов от промышленных центров и общин избиратель должен был заявить о своей принадлежности к немецкой или чешской национальности. Список избирателей каждой национальности составлялся отдельно (так называемый национальный кадастр). Сам О. Бауэр высоко ценил моравский опыт: «20 депутатам всеобщей курии моравского ландтага противопоставляются 129 представителей привилегированных курий. Тем не менее этот первый законодательный опыт с персональными принципами, как основа для регулирования публичного права наций, все же является многообещающим началом»^{ix}. По сходному национально-куриальному принципу, как в Моравии, было создано областное управление в Буковине. Закон от 29 мая 1910 г. учреждал в ландтаге области румынскую, немецкую, украинскую и польскую курии.

Австро-славизм и предложения по разрешению «национального вопроса» через федерализацию империи Габсбургов

Если идеи национально-культурной автономии в Австро-Венгрии получили практическую реализацию, то проектам федерализации империи по этническому принципу воплотиться было не суждено. Про-

грамма переустройства Австрийской империи в федеративное государство при сохранении власти Габсбургов была предложена национально-либеральным крылом чешской интеллигенции еще в 1840-х годах и получила название австрославизма^х. Первоначально австрославизм представлял собой реакцию на попытки включить славянские земли в состав Германского союза. Его корни восходят к «культурному австрославизму» Й. Домбровского, Ф. Пелца и Б. Больциана (конец XVIII – начало XIX в.) В 1840-е годы в ходе острой полемики между чешскими, словацкими и венгерскими публицистами произошла трансформация австрострославизма в более целостную политическую концепцию, принципы которой были впервые сформулированы К. Гавличеком-Боровским в 1846 г. В 1848–1849 гг. с развернутой программой автрославизма выступил Ф. Палацкий. Он рассматривал чешскую историю как постоянный конфликт между славянами, с одной стороны, и Римом и немцами – с другой. Исходя из идеи отсутствия единого славянского отечества авторы концепции австрославизма хотели сохранить Австрийскую империю, добиться в ее рамках объединения всего чешского народа и провести ее федерализацию. Первоначальное требование Палацкого создать чешский парламент в 1848 г. трансформировалось в идею ассамблеи представителей всех славянских народов, населявших империю Габсбургов. В 1849 г. он представил Конституционному комитету Имперского собрания проект федерализации империи путем разделения ее на группы земель по этническому признаку (чешские, польские, австро-немецкие, иллирийские, итальянские, венгерские, румынские и югославянские). Эта инициатива обрела немало сторонников в чешском обществе. В то же время против выступили чешские национал-радикалы левой ориентации (Й.Б. Брич, К. Сабина), требовавшие раздробления империи на самостоятельные государства, которые впоследствии могли бы объединиться в добровольную федерацию. Немецкая либеральная интеллигенция и в Чехии, и на других территориях империи также не приняла планы федерализации, поскольку они шли вразрез идее «единой Австрии». Накануне образования Австро-Венгрии сторонники австрославизма объединились на почве оппозиции политическому преобладанию австрийцев и венгров. В серии статей под общим названием

«Идея австрийского государства» (1865 г.), предложенных в следующем году уже в форме проекта конституционных законов, Палацкий выдвинул новую версию федерализма. На этот раз в основе территориально-политического деления лежала комбинация исторического права с этническим принципом: предполагалось создать комплексы земель с генеральными сеймами и сеймами для каждой земли. В новом проекте федерализации Палацкий прежде всего пытался воплотить идеал чешского государственного права – объединить Богемию, Моравию и Силезию, входившие в состав древнего чешского государства, в одно государственное образование, т.е. восстановить Чешское королевство по примеру Венгерского. Предполагалось, что австрийский император возложит на себя чешскую корону. И хотя приверженцам идеи федерализации удалось поначалу заручиться поддержкой поляков и хорватов, австрийскому правительству удалось расколоть эту коалицию.

После образования Австро-Венгрии сторонники австрославизма продолжали выступать за объединение чешских земель и федерализацию австрийской части империи в рамках конституции 1867 г., но ставили под сомнение ее централистский характер. В 1879 г. чешские депутаты рейхсрата даже распространили государственно-правовое заявление по этому поводу и передали императору специальный меморандум с минимальной национально-политической программой. Однако и эта попытка не привела к успеху. Тем не менее австрославизм доминировал в чешском национальном движении вплоть до 1918 г. – времени создания независимого Чешского государства.

Помимо чешских либералов во главе с Палацким проекты федерализации империи предлагались и лидерами других национальных движений. Так, один из заметных деятелей словенского национального движения М. Маяр в 1948 г. в нескольких речах и статьях предлагает собственную модель федерализации империи. По его мнению, она должна состоять из пяти «народов», объединенных в провинции: славян, немцев, венгров, румын и итальянцев. Административно-территориальную структуру монархии Маяр предлагал организовать согласно этническому принципу: «Устанавливая границы между этими народами, нельзя смотреть ни на холмы, горы, потоки и реки, ни на кан-

целярии, училища, чиновников и офицеров, которые по большей части немецкие и онемечены, а смотреть здесь нужно на то, какой народ живет тут и там в деревнях»^{xi}. Маяр предложил также разграничение функций центрального правительства (внешняя политика, финансы, армия и торговля) и внутреннего управления каждой этнотерриториальной единицы (все остальное). Близким к программе Маяра был проект конституции империи либерала сербского происхождения О. Острожинского^{xii} и ряда других деятелей.

Конечно, основой изложенных выше теоретических построений было стремление части чешской, словенской, польской и т.д. политических элит добиться для себя условий пребывания в составе империи Габсбургов, сравнимых с теми, что получили венгры с образованием Австро-Венгрии. И далеко не всегда речь действительно шла о стремлении к федерализации всей империи. Имперские власти этим пользовались, сталкивая различные народы между собой. Однако отдельные этнофедералистские проекты, в том числе выдвигавшиеся чешскими лидерами, были достаточно глубоко проработаны. Они были одними из наиболее ранних проектов федерализации многонационального государства по этническому принципу – по модели, которая впоследствии была реализована в СССР.

Для Австро-Венгрии результат в итоге оказался отрицательным – это государство распалось в 1918 г. Тем не менее политическая практика и теоретическая дискуссия по национальному вопросу в «дунайской монархии» заслуживают внимания. Национальная программа австромарксизма, предложения по федерализации империи со стороны представителей австрославизма и других национальных движений Австро-Венгрии стали предметом оживленной дискуссии в России начала XX в. Ее результаты сложно переоценить с точки зрения последующего влияния на становление и эволюцию советских подходов к разрешению этнических проблем. А в них, в свою очередь, во многом коренятся истоки современной отечественной этнополитической теории и практики.

Примечания

ⁱ *Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxf. (UK), 1986.*

ⁱⁱ Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995; *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1961; *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909; *Ненашева З.С.* Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX – начале XX в. М., 1994; Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989; Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991.

ⁱⁱⁱ См.: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства; *Рубинштейн Е.И.* Указ. соч.

^{iv} *Трайнин И.П.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. Л., 1947. С. 280–296.

^v Там же. С. 180.

^{vi} Там же. С. 223–224.

^{vii} Там же. С. 239.

^{viii} *Бауэр О.* Указ. соч.

^{ix} Там же. С. 371.

^x См.: *Ненашева З.С.* Указ. соч.; Чешская нация на заключительном этапе формирования.

^{xi} Цит. по: Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 111.

^{xii} Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 111.